

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-59-74

EDN: OZYNLG

Научная статья / Research article

Алжир в начале XXI в.: внутренние противоречия и ориентиры региональной политики

Н.Л. Хамиди

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ naimkhamidi@mail.ru

Аннотация. Противоречивые процессы возрождения социально-политического ландшафта Алжира после окончания гражданской войны 1991–1999 гг. оказали значительное влияние на подходы администрации президента Алжира Абд аль-Азиза Бутефлики (1999–2019 гг.) к региональным конфликтам и сотрудничеству со странами Магриба и Сахеля. Цель исследования — проанализировать сочетание авторитарного режима и сравнительно инклюзивной партийно-политической системы как ведущий фактор успешной нейтрализации правительства Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) экстремистских сил и проведения сбалансированной внешней политики. В начале XXI в. послевоенная амнистия и легализация умеренного крыла алжирских исламистов стабилизировали политическую жизнь АНДР. Введение политической жизни Алжира в правовые рамки позволило Национальной народной армии и специальным службам страны наладить последовательное противостояние терроризму и организованной преступности в сахаро-сахельском регионе. Эти обстоятельства предопределили особый интерес руководства Алжира к военно-политическому сотрудничеству с Мали, Нигером и другими странами Сахеля. Выявлены глубинные причины и особенности обострения алжиро-марокканского противостояния в начале XXI в. Показаны политические аргументы и идеологические установки сторон в конфликте вокруг Западной Сахары. Дана авторская оценка роли ливийского кризиса в эволюции внешнеполитического курса АНДР в 2010-х гг. Доказана высокая значимость направления региональной политики в общем балансе взаимодействия АНДР с внешним миром.

Ключевые слова: Абд аль-Азиз Бутефлика, Африка, Сахель, дипломатия, военное влияние, организованная преступность, исламский радикализм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14.04.2025; принята к публикации 06.10.2025.

© Хамиди Н.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Хамиди Н.Л.* Алжир в начале XXI в.: внутренние противоречия и ориентиры региональной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 59–74. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-59-74> EDN: OZYNLG

Algeria at the beginning of the 21st century: internal contradictions and the guidelines of regional policy

Naïm L. Khamidi

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ naimkhamidi@mail.ru

Abstract. The contradictory processes of the revival of Algeria’s socio-political landscape after the end of the 1991–1999 civil war had a significant impact on the approaches of the Administration of Algerian President Abd al-Aziz Bouteflika (1999–2019) to regional conflicts and cooperation with the Maghreb and Sahel countries. The purpose of this study is to analyze the combination of an authoritarian regime and a relatively inclusive party-political system as a leading factor in the successful neutralization of extremist forces by the Government of the People’s Democratic Republic of Algeria (PDRA) and the implementation of a balanced foreign policy. At the beginning of the 21st century, the post-war amnesty and the legalization of the moderate wing of Algerian Islamists stabilized the political life of PDRA. The introduction of Algeria’s political life into the legal framework has allowed the National People’s Army and the country’s special services to establish a consistent counter-terrorism and organized crime in the Sahara-Sahel region. These circumstances have predetermined the Algerian leadership’s special interest in military-political cooperation with Mali, Niger and other Sahel countries. The deep causes and features of the aggravation of the Algerian-Moroccan confrontation at the beginning of the XXI century are revealed. The political arguments and ideological attitudes of the parties to the conflict over Western Sahara are shown. The author gives an assessment of the role of the Libyan crisis in the evolution of the foreign policy course of the People’s Democratic Republic of Algeria in the 2010s. The high importance of the direction of regional policy in the overall balance of interaction between the Algeria and the outside world has been proved.

Keywords: Abd al-Aziz Bouteflika, Africa, Sahel, diplomacy, military control, organized crime, Islamic radicalism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 14.10.2025; accepted 06.10.2025.

For citation: Khamidi NL. Algeria at the beginning of the 21st century: internal contradictions and the guidelines of regional policy. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):59–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-59-74> EDN: OZYNLG

Введение

Длительный, динамичный и драматический период руководства президента Абд аль-Азиза Бутефлики (1999–2019 гг.) вошел в историю Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) как время восстановления

и перенастройки государственной машины. Итоги «черного десятилетия» — гражданского конфликта между алжирскими властями и исламистскими группировками (1991–1999 гг.) — неоднократно возрождали в Алжире 2000-х гг. внутреннюю нестабильность. Тем не менее, в середине 2000-х гг. положение алжирской экономики заметно выправилось, возможности государства расширились, а военные операции против экстремистского подполья уступили место политическим и идеологическим мерам по размыванию сплоченности исламистского движения и ограничению его амбиций.

Одновременно алжирское руководство взялось за реставрацию и усиление региональных позиций АНДР. На этом пути администрация А. Бутефлики столкнулась со множеством угроз, вызовов и препятствий — как со стороны извечного оппонента Алжира, Королевства Марокко, так и исламистских структур, действующих в Магрибе и Сахеле. Проблемы незаконной миграции, терроризма, криминального оборота наркотиков и оружия на протяжении первых десятилетий XXI в. накладывались в североафриканском и сахаро-сахельском контексте на постоянные сложности в реализации интеграционных процессов, непоследовательную (а порой разрушительную) политику внерегиональных игроков и застарелые военно-политические противоречия между правительствами африканских стран.

Вызовы и успехи политики национального примирения

В первые годы руководства Абд аль-Азиза Бутефлики ослабление социальной напряженности в Алжире сопровождалось постепенным восстановлением экономики страны. Болезненный финансовый кризис последнего десятилетия XX в. остался позади. Многолетний гражданский конфликт окончательно разрушил социалистическую модель хозяйствования АНДР и способствовал распространению либеральных экономических подходов [1. С. 219]. К середине 2000-х гг. за счет интенсивного экспорта энергоносителей Алжир вывел темп роста ВВП на уровень 5,8 % в год, а в 2005 г. золотовалютные запасы страны превысили 63 млрд долл., при этом внешний долг не превышал 15,5 млрд долл. [2. С. 159]. Вплоть до начала 2010-х гг. устои алжирской политической сцены успешно поддерживались высокими доходами государства от добычи углеводородов и наличием всепроникающих репрессивных спецслужб. Кроме того, режим А. Бутефлики пользовался неизменной поддержкой со стороны внешних игроков: США, Евросоюза, России, КНР, — которые не желали резких перемен в послевоенном Алжире. Наконец, трагический опыт длительной гражданской войны вынуждал простых алжирцев всемерно остерегаться бурных революционных выступлений и избегать широкомасштабного применения насилия [3. С. 189–190].

При всех этих обстоятельствах алжирское общество, только начавшее свой выход из кровопролитного и многолетнего кризиса, было глубоко

разделено идеологически и политически. Его видение будущего опиралось, как представляется, на две противоречивые тенденции. С одной стороны, речь шла о смягченном варианте исламистского национал-консерватизма и принятии традиционных ценностей исламского общества. С другой стороны, значительная часть алжирцев видела путь к национальному примирению в скорейшем строительстве светского правового государства с более или менее развитыми элементами демократии европейского типа. Данная концепция уходит корнями в основы, заложенные Конституцией 1996 г., в преамбуле которой говорилось: «Алжир — страна ислама, неотъемлемая часть арабского Магриба, арабская, средиземноморская и африканская страна»¹. Администрация Абд аль-Азиза Бутефлики стремилась выступить в роли объединителя этих течений общественной мысли. Такой подход неминуемо приводил послевоенное руководство Алжира к сочетанию привычного авторитаризма с разработкой инклюзивного многопартийного представительства. В то же время, как показал французский историк и политолог Ж. Ларьеж, учет широкого спектра мнений алжирцев был чреват новыми всплесками разногласий и народного недовольства [4. Р. 9–10].

Президент Бутефлика, стремясь нейтрализовать влияние исламистского подполья и желая вовлечь в политическую жизнь АНДР умеренных сторонников политического ислама, вскоре после прихода к власти разработал и обнародовал закон «О гражданском согласии», вступивший в действие 13 июля 1999 г.² За этим документом последовала «Хартия мира и национального примирения», которая предполагала смягчение наказаний для раскаявшихся боевиков-исламистов. В то же время национальная амнистия не относилась к тем членам исламистского подполья, которые обвинялись в убийствах мирного населения и террористической деятельности. За время их действия властям сдалось около 1500 боевиков, что устранило угрозу «талибанизации» Алжира [5. С. 15]. Тем не менее, экстремистские элементы, которые не отступились от насильственных действий, в начале XXI в. объединились в составе Вооруженных исламских групп (ВИГ) и Салафитской группы проповеди и борьбы (СГПБ)³. ВИГ в 2000–2002 гг. понесла серьезные потери в ходе организованных против нее алжирскими спецслужбами специальных операций. Массовая утрата алжирских боевиков привела лидеров ВИГ к ее «интернационализации» за счет рекрутирования иностранных

¹ Аль-Джумхурийа аль-джаза'ирийа ад-димукратийа аш-ша'бийа. Аль-Джарида ар-расмийа (Алжирская Народная Демократическая Республика. Официальная газета). 08.12.1996. URL: <https://cjca-conf.org/wp-content/uploads/2022/10/رووتس-1996.pdf> (дата обращения: 29.07.2025). (на араб. яз.).

² Loi n° 99–08 du 13 juillet 1999. Loi sur la concorde civile // République Algérienne Démocratique et Populaire. Présidence de la République. URL: http://www.elmouradia.dz/francais/algerie/histoire/Dossier/loi_sur_la_concorde_civile.htm (дата обращения: 22.05.2025).

³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

террористов в Египте, Судане, Йемене, Афганистане и Боснии. Это обстоятельство привело к отчуждению отрядов ВИГ от населения Алжира и последующему распаду организации. Вторая радикальная исламистская сила в Алжире — Салафитская группа проповеди и борьбы (СГПБ)⁴ — в начале 2000-х гг. действовала в горных лесистых районах к востоку от алжирской столицы, а впоследствии расширила зону своих террористических действий в южных провинциях АНДР и на смежных территориях соседних стран.

Нельзя не отметить, что правительство Абд аль-Азиза Бутефлики в 2000-х гг. смогло успешно переориентировать остальные исламские силы Алжира на отстаивание своих интересов в пределах конституционного законодательства. Руководство Алжира отчетливо признавало необходимость учета голосов консервативно настроенных алжирцев в условиях стремительного расслоения общества, увеличения разрыва в благосостоянии между имущими и малообеспеченными, концентрации власти в руках военной элиты и в целом размывания традиционного исламского *этноса* и кризиса идентичности [6. С. 115–116]. Результаты электоральных циклов 1997–2002 и 2002–2007 гг. позволяют предположить, что в эту переходную от войны к миру эпоху в Алжире начал формироваться новый правящий альянс, ставший опорой президентской администрации в урегулировании гражданского конфликта. В этот слой входили как прежние представители военно-бюрократической верхушки, так и деятели технократического толка и прозападно настроенная деловая элита. Наконец, к ним по большинству вопросов жизни страны примыкали и умеренные исламские деятели. Об этом свидетельствует тот факт, что проправительственная партийная коалиция из Национального демократического объединения (НДО), Фронта национального освобождения (ФНО) и Движения общества за мир (ДОМ) устойчиво сохранялась на всем протяжении 2000-х гг. Участники коалиции удерживали под своим контролем 287 (выборы 1997 г.), 284 (выборы 2002 г.) и 249 мест (выборы 2007 г.) в Национальном народном собрании⁵. Более того, под руководством алжирского президента прошла успешная предвыборная кампания на второй президентский срок в 2004 г., в ходе которой были рассмотрены ключевые вопросы жизнедеятельности населения. Прежде всего, язык алжирских берберов (*амазигов*) официально признали в качестве одного из национальных языков страны. Также в программу кампании А. Бутефлики

⁴Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁵ См. обобщенные данные Международного парламентского союза по выборам в Национальное народное собрание АНДР: Inter-Parliamentary Union. URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2003_97.htm (избирательная кампания 1997 г.); http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2003_02.htm (избирательная кампания 2002 г.); <http://www.ipu.org/english/parline/reports/arc/2003%5Fe.htm> (избирательная кампания 2007 г.) (дата обращения: 14.03.2025).

вошли рассмотрение закона о семье и ведение борьбы с коррупцией⁶. Это указывает на тенденцию 2000-х гг., направленную на постепенную, хотя и непрочную стабилизацию общественно-политической жизни страны.

В то же время политика национального примирения, развернутая в первом десятилетии руководства А. Бутефлики, имела и слабые стороны. Еще весной 2001 г. попытки допуска исламистских сил в состав политической элиты вызвали массовые протестные выступления берберских активистов, традиционно настроенных крайне критически к деятелям политического ислама. К тому же активность алжирских избирателей на парламентских выборах 2000-х гг. была довольно слабой — 46,17 % избирателей в 2002 и 35,51 % в 2007 г. [7. С. 164]. Низкие показатели явки обусловили непоследовательные бойкоты выборов, объявленные лидерами влиятельных проберберских партий — Объединения за культуру и демократию (ОКД) в 2002 г. и Фронта социалистических сил (ФСС) в 2007 г. [8. С. 280]. Кроме того, алжирское общество в первом десятилетии XXI в. пережило заметную деполитизацию и отчуждение от электорального процесса. Наконец, по традиции, восходящей к эпохе «алжирского социализма», законодательный орган не пользовался авторитетом в социуме, а алжирцы не возлагали на парламентские выборы значительных надежд на перемены.

«Арабская весна» и закат эпохи Бутефлики

Новым испытанием политики диалога между алжирскими властями и умеренными исламистами стали события «Арабской весны» 2010–2011 гг. Само по себе «пробуждение» общественных настроений в Алжире продлилось сравнительно недолго. Оно вылилось в массовые манифестации, которые захватили около половины провинций страны и вовлекли порядка 10 тыс. граждан [9. С. 2]. При этом нарекания протестующих, как и в других арабских странах, вызывали, в первую очередь, общественно-экономические обстоятельства: неравномерное распределение национального дохода (при том, что в силу демографических показателей Алжир находился на 126-м месте в мире по размеру ВВП на душу населения), рост уровня безработицы среди молодых алжирцев (около 50 % безработных), жилищный кризис, повсеместное засилье коррупции и инфляционные процессы [10. С. 137–138; 11. С. 94–95]. В то же время идеологическая и политическая повестка, пригодная для противостояния населения правящим кругам, широкой поддержки у протестующих не нашла: вопросы о несменяемости власти и физическом состоянии

⁶ Абраз махаттат масират ар-ра'ис Бутафлика (Важнейшие вехи в карьере президента Бутефлики) // Ахбар аль-йаум. 18.04.2014. URL: <https://web.archive.org/web/20140916150752/http://www.akhbarelyoum.dz/ar/200235/104060-2014-04-18-182456> (дата обращения: 18.06.2025). (на араб. яз.).

Абд аль-Азиза Бутефлики в тот момент еще не вышли на первый план⁷. Поэтому алжирский вариант «Арабской весны» оказался ближе к «весеннему» сценарию, реализовавшемуся в не-нефтяных конституционных монархиях Ближнего Востока и Северной Африки — Иордании и Марокко. В Алжире, как и в этих странах, сравнительно маломасштабные протестные выступления, вдохновленные ранними событиями в Тунисе и Египте, почти не затронули основ государственной власти. Однако руководство Алжира и государственный аппарат сумели чутко и оперативно отреагировать на эти выступления.

В первую очередь президент Бутефлика отменил действовавшее в Алжире на протяжении 18 лет чрезвычайное положение и пообещал провести коренные демократические реформы⁸. Затем, в январе 2012 г., он обратился к показательной демократизации. Был принят важный закон, регламентирующий электоральный процесс⁹, вкуче с целым пакетом законов, ориентированных на модернизацию политической системы (о политическом представительстве женщин, деятельности политических партий и ассоциаций, распространении информации и др.). Кроме того, в 2016 г. под эгидой А. Бутефлики прошла еще одна законодательная ревизия положений Конституции АНДР¹⁰. Шаги президентской администрации навстречу демократическим чаяниям манифестантов позволили правительству успешно сдержать общественное недовольство [12. Р. 108–109]. Да и исламистские структуры Алжира (в отличие от Египта и Туниса) в 2010-х гг. не могли решить проблемы избирателей. После трагического опыта «черного десятилетия» у них не было возможности пропагандировать себя как бунтарей и борцов за исламскую альтернативу действующей власти. Они были давно и глубоко интегрированы в политическую элиту Алжира. А вот их египетские и тунисские «товарищи по оружию», победившие в ходе революционных событий,

⁷ В 2013 г. у А. Бутефлики произошел микроинсульт. В апреле и июле 2013 г. он был госпитализирован и длительно пребывал на излечении во Франции. В Алжире неоднократно распространялись слухи о сокрытии властями его смерти. Эти обстоятельства не отвратили его от выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 2014 г. и выполнения четвертой президентской каденции.

⁸ *Daoud K.* Le président Bouteflika, le voleur de printemps // *State Afrique*. URL: <http://www.stateafrique.com/78291/bouteflika-algeriens-tournent-toujours-en-rond> (дата обращения: 18.12.2021).

⁹ *Loi organique n° 12–01 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative au régime électoral* // *Journal officiel de la République Algérienne*. №01. 20 saffar 1433 / 14 janvier 2012. P. 8–31. [Сайт]. URL: <http://www.joradp.dz/ftp/jo-francais/2012/f2012001.pdf> (дата обращения: 16.04.2025).

¹⁰ *Loi n° 16–01 du 6 mars 2016 portant révision constitutionnelle* // *Journal officiel de la République Algérienne*. № 14. 7 mars 2016 // *Droit Afrique*. Le droit des affaires en Afrique francophone. URL: <http://droit-afrique.com/uploads/algerie-constitution-revisee-loi-6-mars-2016.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).

продемонстрировали в 2012–2013 гг. столь явную беспомощность перед кризисом своих государств, что вскоре и вовсе утратили завоеванные ими властные полномочия.

В силу этих обстоятельств на парламентских выборах 10 мая 2012 г. исламистский «Альянс зеленый Алжир», в котором объединились ДОМ, Партия возрождения (Хизб ан-нахда) и Движение за национальную реформу (ДНР), получил всего 48 мест в Национальной народной ассамблее и потерпел беспспорное электоральное поражение. В то же время светская пропрезидентская коалиция ФНО и НДО получила столь же явный успех: ФНО завоевал 220 депутатских мандатов, а НДО — 68, что заметно превысило их достижения на предыдущих парламентских выборах (2007 г.) [13. С. 176–177]. На этом победном фоне, на первый взгляд, очередное выдвижение А. Бутефлики на новый мандат и его убедительная победа в президентской кампании 2014 г. (81,53 % голосов избирателей) выглядели вполне логично. Действительно, жесткий контроль алжирских спецслужб над избирательными кампаниями 2010-х гг. и проявления воли президентской администрации к примирению сторон длительного гражданского конфликта все еще играли на руку властным структурам АНДР в ходе четвертой каденции А. Бутефлики (2014–2019 гг.).

Однако во второй половине 2010-х гг. политические акции и сама легитимность режима обесценились — в силу физического старения руководителя страны, произвола окружения президента во главе с его братом Са'идом, растущей интеллектуальной недееспособности самого А. Бутефлики и его крайне редких появлений в публичной сфере. Помимо этого, падение европейских цен на нефть и газ с конца 2015 г. осложнило все социальные проблемы. В итоге несостоятельная попытка А. Бутефлики выдвинуться в 2019 г. на пятый срок вызвала в Алжире массовые протесты под антикоррупционными и либеральными лозунгами, получившие название «революция улыбок». Тогда же сформировалось слабо оформленное демократическое движение Хирак — серия мирных протестных акций, проходивших по пятницам в крупных городах [14. С. 648]. Позже к давлению гражданских активистов присоединилось высшее армейское руководство, которое обвинило престарелого президента в коррупции и вынудило его к ожидавшейся отставке. Это событие произошло 2 апреля 2019 г., когда генералы воспользовались ситуацией, связанной с протестами. Они заявили, что прислушиваются к голосу народа и движения, стремясь остаться у власти, а заодно свести старые сче-ты и усилить свой контроль над государственными органами¹¹.

¹¹ *Ибн Дурра Умар*. Ас-Султа аль-джаза'ирийа фи муваджахат «Хирак» 2019–2020 (Власть Алжира перед лицом движения «Хирак» в 2019–2020 гг.) // Ас-Сафир аль-арабий. 08.10.2020. URL: <https://assafirarabi.com/ar/33591/2020/10/08/2019-2020-السلطة-الجزائرية-في-مواجهة-حراك-> (дата обращения: 20.11.2024). (на араб. яз.).

Уход Абд аль-Азиза Бутефлики с поста президента оказался значительным потрясением для политической системы АНДР. Политика национального примирения, провозглашенная Бутефликой, стала важным, но далеко не единственным его успехом на государственной службе. Он наследовал трудному опыту президента военного времени Ламина Зеруаля (1994–1999 гг.) и принес мир и стабильность в разрушенную политическую систему. С другой стороны, ему удалось в начале XXI в. отступить от традиций конфликта и противопоставления, свойственной элитам социалистического Алжира, к которым он и сам принадлежал. Важно и то, что А. Бутефлика был широко признанным в мире многолетним дипломатическим представителем Алжира, политической фигурой крупного масштаба, пользовавшейся авторитетом в стране, в североафриканском регионе и в мире в целом.

Борьба с терроризмом и перемены в региональной политике

Руководство Абд аль-Азиза Бутефлики позволило Алжиру приступить к своеобразной реставрации своей довоенной роли — сильного геополитического игрока, контролирующего события на региональной арене. В начале XXI в. Алжир вошел в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН и вступил в ассоциацию с Европейским союзом. В эти же годы усилился вес мнения Алжира в арабских и глобальных организациях — Лиге арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Африканского союза (АС), Организации нефтеэкспортирующих стран (ОПЕК). Но подлинным прорывом на африканском направлении внешней политики АНДР 2000–2010-х гг. стало системное участие Алжира в антитеррористической борьбе в Магрибе и Сахеле.

В ходе первой каденции А. Бутефлики (1999–2004 гг.) фокус внимания алжирских спецслужб и Национальной Народной Армии был сосредоточен главным образом на нейтрализации остаточных явлений послевоенного терроризма. Несмотря на то, что сторонники радикального исламистского подполья еще периодически напоминали о себе нападениями на военные объекты и подрывами заминированных автомобилей, за годы гражданской войны их дело было глубоко дискредитировано. В то же время благоприятная для Алжира конъюнктура на европейском энергетическом рынке позволяла президентской администрации и правительству АНДР успешно финансировать внедрение новейших техник контртеррористической борьбы и независимо вести себя на региональной арене. Тем не менее руководители АНДР не могли игнорировать 26 статью Конституции страны 2008 г., в которой говорилось, что Алжир воздерживается от ведения войны с целью подрыва законного суверенитета

и свободы других народов¹². В этой связи гибкая внешняя политика Алжира притягивала внимание ведущих мировых держав, при этом позволила постепенно сдерживать угрозы насилия, исходящие из сахельского региона.

Начиная с середины 2000-х гг. правительство АНДР все чаще проецировало антитеррористические задачи на страны Сахеля. Спецслужбы Алжира отчетливо видели угрозу для безопасности страны, происходящую из гигантских и слабо контролируемых пространств Сахары, куда в годы гражданской войны вытеснялись боевики исламистских структур, действовавших в АНДР; там же вольготно чувствовали себя наркокурьеры и организаторы контрабандных сетей. Наиболее заметным региональным проектом сотрудничества в деле борьбы с исламо-экстремизмом стал совместный удар по позициям Аль-Ка'иды в странах исламского Магриба (АКИМ)¹³, нанесенный алжирскими и малийскими военными в 2008–2009 гг. В ответ на активизацию этой террористической структуры в северных провинциях Мали алжирские военные оказали материально-техническую помощь малийской армии, предоставив запасные части к авиационным комплексам и бронетехнике, горючее и боеприпасы. Эта поддержка дала малийскому руководству возможность мобилизовать против джихадистов часть арабских племен в районе Гао и нанести к весне 2009 г. чувствительные потери их вооруженным формированиям [15. С. 343–344].

События «Арабской весны», в особенности крушение режима Джамахирии в Ливии, наглядно показали обоснованность и стратегическую ценность такого подхода. В 2010–2014 гг. центр тяжести криминальной и террористической деятельности переместился из южной части Алжира в присахарские регионы Мали и Нигера. Речь здесь шла не только о трансграничном, но и трансрегиональном явлении, поскольку сахаро-сахельские территории все чаще превращались в зоны вербовки и вооружения профессиональных боевиков, действовавших вне Африканского континента [16. Р. 39–45]. Так, например, в 2012 г. АКИМ¹⁴ вступила в тайный сговор с латиноамериканскими криминальными группировками и занималась «реэкспортом» поставляемого ими кокаина в обмен на вооружение [17. С. 5]¹⁵. Более того, сращивание исламистских и контрабандистских

¹² Аль-Джумхурийа аль-джаза'ирийа ад-димукратийа аш-ша'бийа. Аль-махкама ад-дустурийа (Алжирская Народная Демократическая Республика. Конституционный суд). 10.03.2021. [Сайт]. URL: <https://cour-constitutionnelle.dz/ar/2021/03/10/ليديعت-2008/#1617786193755-47ba539c-78ab> (дата обращения: 27.06.2025) (на араб. яз.).

¹³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹⁴ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹⁵ Трансрегиональное сотрудничество было присуще многим формам общественной деятельности в исламской истории, например, движению за восстановление халифата в первой трети XX в. [18]. После «Арабской весны» экстремистские группировки, действовавшие в Мали — в первую очередь, «Ансар ад-дин» (террористическая организация, запрещенная в РФ) — набирали новые кадры в основном за счет массовой миграции из Сирии, присахарского региона и Тропической Африки [19. С. 24–25].

группировок в странах сахельского пояса на протяжении 2010-х гг. бросило вызов алжирскому государству и косвенно угрожало безопасности Магриба в целом [20. С. 53–54]¹⁶. Об этом со всей очевидностью свидетельствовали трагические события на газовых промыслах в Ин Аменас, расположенных на востоке страны вблизи алжиро-ливийской границы. 16 января 2013 г. исламистская бандгруппа под руководством Мухтара Бельмухтара захватила центральную часть комплекса и взяла в заложники 700 алжирцев и 134 иностранца — сотрудников алжирской компании СОНАТРАК, британской «Бритиш Петролеум» и норвежской «Статойл». Алжирские власти отказались выполнить требования экстремистов и провели 50-часовую осадно-штурмовую операцию, в ходе которой армейский спецназ при поддержке ВВС освободил 685 алжирцев и 101 иностранца; остальные заложники погибли [21. С. 123].

Нападения магрибских и сахельских исламских радикалов на объекты газодобычи и газораспределительные центры поставили перед администрацией А. Бутефлики вопрос о безопасности центральных и южных провинций Присахарья. Эта угроза не только подрывала работоспособность экспортных отраслей алжирской экономики, но и ставила под сомнение репутацию Алжира как регионального лидера и гаранта безопасности. В результате лидеры Алжира избрали проактивный подход к джихадистским вызовам из Сахеля. В ходе своей второй каденции (2004–2009 гг.) А. Бутефлика продвигал план создания Африканских сил быстрого реагирования (АСБР), которые, по его представлениям, должны были применяться для борьбы с экстремистскими группировками и урегулирования конфликтов на Африканском континенте. Участники проекта — страны Африканского союза — планировали сформировать три компонента АСБР (военный, полицейский и гражданский), причем военная группировка должна была состоять из пяти региональных бригад. Несмотря на то что этот проект не был воплощен, Национальная Народная Армия в 2013 г. перешла к тактике ограниченного контроля над северными окраинами Сахары: в приграничных районах АНДР развернуто более 100 тыс. военнослужащих, национальных гвардейцев и жандармов; на юго-восточных рубежах сформирован новый пограничный округ, усиленный авиационной группировкой; периодически проводилось вмешательство в сахельские конфликты для упреждения новых джихадистских вызовов¹⁷. В 2010-х гг. расширилась география союзнических контактов АНДР в Магрибе и Сахеле: проводились совместные

¹⁶ *Ould Mohamedou M.M.* The Many Faces of “Al Qaeda in the Islamic Maghreb”. Paper № 15. Geneva : Centre for Security Policy, 2011. P. 3. “Al Qaeda in the Islamic Maghreb” — террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹⁷ *Algeria and its Neighbours.* Middle East and North Africa Report № 164. Brussels : International Crisis Group, 2015. P. 7.

операции с вооруженными силами Мавритании, Мали и Нигера, учения пограничных служб Алжира и Туниса¹⁸. Антитеррористическая мобилизация Алжира в сахаро-сахельской зоне воспринималась Абд аль-Азизом Бутефликой и его преемником Абд аль-Маджидом Теббуном как существенный фактор противостояния в региональных делах постоянному сопернику — Марокко¹⁹.

Заключение

Большинство тенденций политической жизни АНДР, заложенных при руководстве Абд аль-Азиза Бутефлики, первоначально воспринимались в Магрибе как переходный этап от авторитарного контроля армии времен гражданского конфликта к более жизнеспособной и демократически ориентированной модели управления. Однако, сравнительно благополучно пройдя через потрясшие Северную Африку пертурбации «Арабской весны», президент Бутефлика так и не смог выступить в роли архитектора современного Алжира. Его все более авторитарный персоналистский режим в конечном счете оказался и более хрупким, чем прошедшая испытание войной политическая система страны. В итоге массовые низовые протесты («революция улыбок») 2019 г. ослабили и низвергли власть заслуженного лидера, но не разрушили твердый и последовательный контроль над Алжиром со стороны его высшего военного руководства, которое впоследствии обвинило А. Бутефлику и его окружение в широкомасштабной коррупции и превышении президентских полномочий.

В сфере региональной политики наследие двух «десятилетий Бутефлики» оказалось намного более позитивным, чем на внутренней арене. В начале его первой каденции Алжир был в значительной степени изолирован и пользовался лишь непоследовательной поддержкой

¹⁸ Приграничное сотрудничество представляется важной теоретической проблемой, расширяющей научные подходы к интерпретации истории международных отношений [22. С. 241–242]. Это обстоятельство тем более существенно, что современные границы в Северо-Западной Африке проводились без отчетливой мотивации, не были исторически и культурно обоснованы и к тому же были слабо утверждены в массовом сознании граждан магрибинских стран [23. С. 10–11].

¹⁹ Истоки алжиро-марокканского регионального соперничества восходят к XVII–XVIII вв. [24. С. 75–76] и объясняются, среди прочего, различием традиционных общественно-политических моделей двух стран. В частности, легитимность марокканского престола была обусловлена клятвой верности населения султану-потомку Пророка, расцениваемой подданными как договор [25. С. 165–166]. Стремление А. Бутефлики и А. Теббуна восстановить положение АНДР как ключевого государства в Магрибе и одного из африканских лидеров приводило к соперничеству с Королевством Марокко, которое в 2021 г. в очередной раз завершилось разрывом дипломатических отношений.

Франции и России, при нейтральной позиции администрации США. Однако в 2000-х гг. ему удалось заметно поднять международный престиж страны, особенно на африканском и ближневосточном направлениях. Во многом перенастройка внешнеполитических приоритетов Алжира прошла успешно благодаря личности и профессионализму Абд аль-Азиза Бутефлики. Многолетний опыт дипломатической работы и руководства МИД Алжира, достойные навыки коммуникации и тактического мышления, отработанные личные связи с лидерами Европы, США, России и арабских стран позволили А. Бутефлике и его внешнеполитической команде ввести свою страну в клуб значимых региональных держав.

Список литературы

1. *Martínez L.* La guerre civile en Algérie: 1990–1998. Paris : Éditions Karthala, 1998. 429 p.
2. *Смирнова Г.И.* Союз Арабского Магриба: проблемы и перспективы возрождения // Ближний Восток и современность : сб. ст. Вып. 31 / отв. ред. А.О. Филоник, М.Р. Арунова. М. : ИВ РАН, Институт Ближнего Востока, 2007. С. 145–167.
3. *Долгов Б.В.* Алжир // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М. : ИВ РАН, 2012. С. 189–203.
4. *Lariège J.* Algérie: Fin de règne, alternances et recompositions politiques // Les Cahiers de l’Orient. 2014. № 3 (115). P. 9–18. <https://doi.org/10.3917/lcdlo.115.0009>
5. *Martínez L.* Why the Violence in Algeria? // The Journal of North African Studies. 2004. Vol. 9. № 2. P. 14–27. <https://doi.org/10.1080/1362938042000323310>
6. *Орлов В.В.* Суфийские братства в общественно-политической жизни исламского мира (50–90-е годы) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М. : ИВ РАН, Крафт+, 2001. С. 114–134. EDN: ZCXDFB
7. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Алжир у трех дорог : монография. М. : Садра, 2019. 224 с. EDN: SRWBJA
8. *Сапронова М.А.* Политический процесс в арабских странах / под ред. Л.М. Ефимовой. М. : МГИМО-Университет, 2017. 312 с. EDN: YQMRYB
9. *Attour L.A.* Algeria’s role in the Sahelian security crisis // Stability: International Journal of Security & Development. 2013. Vol. 2. № 2. Art. 28. <https://doi.org/10.5334/sta.bp>
10. *Долгов Б.В.* Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир : монография / отв. ред. И.Д. Звягельская. М. : Ленанд, 2017. 200 с. EDN: ZBVVDB
11. *Видясова М.Ф., Мельянцева В.А., Орлов В.В., Бочарова Л.С., Исаев В.А., Сафронова А.Л., Фридман Л.А., Гевелинг Л.В., Мейер М.С.* Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2011. Т. 13. № 3. С. 92–111. EDN: OKDXSL
12. *Volpi F.* Algeria versus the Arab Spring // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. № 3. P. 104–115. <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0040>
13. *Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е годы. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. Р.Г. Ланда. М. : Ленанд, 2022. 300 с.
14. *Кузнецов В.А., Василенко А.И.* Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654> EDN: PTEPGK

15. Куделев В.В. «Аль-Каида в странах исламского Магриба»²⁰ и др. в Северной Африке: хроника событий. М. : Институт Ближнего Востока, 2014. 507 с.
16. Guidère M. Al-Qaïda à la conquête du Maghreb²¹: le terrorisme aux portes de l'Europe. Monaco : Éditions du Rocher, 2007. 281 p.
17. Alexander Y. Terrorism in North Africa and the Sahel in 2012: Global Reach and Implication. Arlington (VA) : Inter-University Centre for Terrorism Studies, 2013. 33 p.
18. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 85–95. <https://doi.org/10.31857/S086919080009038-8> EDN: QMIGYI
19. Bensaad A. Agadez, carrefour migratoire Sahélo-Maghébin // Revue Européenne des Migrations Internationales. 2003. Vol. 19. № 1. P. 7–28. <https://doi.org/10.4000/remi.336>
20. Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба — Сахеля (взгляд через призму теорий символической политики и социального движения) // Ислам в современном мире. 2011. № 3–4 (23–24). С. 47–56. EDN: VXLMTX
21. Кузнецов В.А. Безопасность государств Северной Африки в условиях политической трансформации // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М. : ИВ РАН, 2015. С. 102–129. EDN: WEWQZF
22. Тарасова А.С. Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 240–259. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: FPLMXP
23. Орлов В.В. Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17> EDN: DWXOLC
24. Соловьева Д.В. «Кочующий двор» в Марокко: незабытое старое // Азия и Африка сегодня. 2019. № 8. С. 75–79. <https://doi.org/10.31857/S032150750005790-1> EDN: REKFTI
25. Соловьева Д.В. Основания султанской власти в Алауитском Марокко XVII–XVIII вв. : торжество военной силы или поиск консенсуса? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 159–171. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-159-171> EDN: UGSNOE

References

1. Martínez L. *La guerre civile en Algérie: 1990–1998*. Paris: Éditions Karthala; 1998.
2. Smirnova GI. The Arab Maghreb Union: Problems and Prospects of Revival. *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. No. 31. Moscow: IV RAN, Institut Blizhnego Vostoka publ., 2007, p. 145–167. (In Russ.).
3. Dolgov BV. Algeria. *Blizhniy Vostok, Arabskoye probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* Moscow: IV RAN publ.; 2012, p. 189–203. (In Russ.).
4. Lariège J. Algérie: Fin de règne, alternances et recompositions politiques. *Les Cahiers de l'Orient*. 2014;(3):9–18. <https://doi.org/10.3917/lcdlo.115.0009>
5. Martínez L. Why the Violence in Algeria? *The Journal of North African Studies*. 2004;9(2):14–27. <https://doi.org/10.1080/1362938042000323310>
6. Orlov VV. Sufi Brotherhoods in the Socio-Political Life of the Islamic World (50–90s). *Islam i politika (vzaimodeystvie islama i politiki v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka, na Kavkaze i v Tsentral'noy Azii)*. Moscow: IV RAN, Kraft+ publ., 2001, p. 114–134. (In Russ.). EDN: ZCXDFB

²⁰ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

7. Vidiassova MF, Orlov VV. *Alzhir u treh dorog* [Algeria at Three Roads]. Moscow: Sadra publ.; 2019. (In Russ.). EDN: SRWBJA
8. Sapronova MA. *Politicheskiy protsess v arabskikh stranah* [The Political Process in the Arab Countries]. Moscow: MGIMO-Universitet publ.; 2017. (In Russ.). EDN: YQMRYB
9. Ammour LA. Algeria's role in the Sahelian security crisis. *Stability: International Journal of Security & Development*. 2013;2(2):28. <https://doi.org/10.5334/sta.bp>
10. Dolgov BV. *Fenomen «Arabskoy vesny» 2011–2016 gg.: prichiny, razvitiye, perspektivy. Tunis, Egipet, Liviya, Siriya, Alzhir* [The Phenomenon of the “Arab Spring”, 2011–2016: Causes, Developments, Prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria]. Moscow: Lenand publ.; 2017. (In Russ.). EDN: ZBXVDB
11. Vidiassova MF, Meliantsev VA, Orlov VV, Bocharova LS, Isaev VA, Safronova AL, Fridman LA, Geveling LV, Meyer MS. The round table: The Arab world events in their social and economic aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*. 2011;13(3):92–111. (In Russ.). EDN: OKDXSL
12. Volpi F. Algeria versus the Arab Spring. *Journal of Democracy*. 2013;24(3):104–115. <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0040>
13. Dolgov BV. *Islamistskoe dvizhenie v Alzhire i Tunisie: 1970–2020-e gody* [The Islamist Movement in Algeria and Tunisia: the 1970s — the 2020s]. 2nd ed. Moscow: Lenand publ., 2022. (In Russ.).
14. Kuznetsov VA, Vasilenko AI. Maghreb 2021: political development impasses and threats to the subregional system. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(4):642–654. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654> EDN: PTEPGK
15. Kudlev VV. «Al-Kaida v stranah islamskogo Magriba»²² i dr. v Severnoy Afrike: hronika sobyitiy [“Al-Qaeda in the Islamic Maghreb”²³ and Others in North Africa: Chronicle of Events]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka publ.; 2014. (In Russ.).
16. Guidère M. *Al-Qaïda à la conquête du Maghreb*²⁴: le terrorisme aux portes de l'Europe. Monaco: Éditions du Rocher; 2007.
17. Alexander Y. *Terrorism in North Africa and the Sahel in 2012: Global Reach and Implication*. Arlington (VA): Inter-University Centre for Terrorism Studies; 2013.
18. Kirillina SA, Safronova AL, Orlov VV. Caliphatism in Pan-Islamic ideological heritage: transregional dimension. *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoriia i sovremennost'*. 2020;(2):85–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086919080009038-8> EDN: QMIGYI
19. Bensaad A. Agadez, carrefour migratoire Sahélo-maghrébin. *Revue Européenne des Migrations Internationales*. 2003;19(1):7–28. <https://doi.org/10.4000/remi.336>
20. Naumkin VV. “Algerian transit” in the Maghreb-Sahel Zone (a look through the prism of symbolic politics and social movement theories). *Islam in the Modern World*. 2011;(3–4):47–56. (In Russ.). EDN: VXLMTX
21. Kuznetsov VA. The Security of North African States in Terms of Political Transformation. In *Konflikty i voyny XXI veka. Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika*. Moscow: IV RAN publ.; 2015, p. 102–129. (In Russ.). EDN: WEWQZF
22. Tarasova AS. Evolution of the concept of cross-border cooperation in Russian and foreign historiography. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):240–259. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: FPLMPX
23. Orlov VV. Traditions of Maghrebi-Saheli statehood and islamic radicalism in Early XXI century. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):7–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: DWXOLC
24. Solovyeva DV. “Itinerant Court” in Morocco: the unforgotten past. *Asia and Africa Today*. 2019;(8):75–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S032150750005790-1> EDN: REKFTI

²² Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²⁴ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

25. Solovieva DV. The bases of Sultan's power in Alawi Morocco during XVII–XVIII centuries: the triumph of military force or the search of consensus? *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):159–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: UGSNOE

Информация об авторе:

Хамиди Наим Лиесович — аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: naimkhamidi@mail.ru ORCID: 0009-0001-6605-0567.

Information about the author:

Naïm L. Khamidi — PhD student, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11 Mokhovaya st, bldg. 1, Moscow, 125009, Russian Federation, e-mail: naimkhamidi@mail.ru ORCID: 0009-0001-6605-0567.